

РЕЭМИГРАЦИЯ РУССКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ ИЗ ДОБРУДЖИ: «БОЛГАРСКИЙ» ЭТАП 1946 Г. (ПО АРХИВНЫМ ДАННЫМ)

Александр Анатольевич Пригарин

Доктор исторических наук, доцент,
УН Центр социальной антропологии,
Российский государственный гуманитарный
университет

Почтовый адрес: Миусская пл., 6,
Москва, 125993, Россия

Электронный адрес: prigarin.alexand@gmail.com

Аннотация

В статье на основе опубликованных и архивных источников реконструируются малоизвестные события, связанные с возвращением русских старообрядцев из Болгарии в СССР в 1946 г. Базовыми документальными свидетельствами выступили посемейные списки переселенцев, составленные в ходе реэмиграции. Их эвристический потенциал позволяет рассматривать процесс репатриации на уровне отдельных партий, поселков и домохозяйств. В целом болгарская группа диаспорного русского населения Европы является относительно немногочисленной. Она сформировалась задолго до возникновения современного национального государства. Стремясь спасти свою религиозную самобытность, липоване и некрасовцы на протяжении XVIII — первой половины XIX в. освоили ряд османских территорий (Балканы и Анатолию). В это время в Добрудже сформировался десяток поселений, среди которых было и село Татарница возле Силистры. Практически перманентная мобильность на уровне как общин, так и отдельных семей приводила к масштабным перераспределениям человеческих ресурсов между различными регионами Османской империи и смежных территорий. Так, например, в начале XX в. возник поселок Казашко около г. Варна. Когда в Болгарию вошла Красная армия (1944–1945 гг.), среди ее офицеров появилась идея «возвращения» на историческую Родину бывших соотечественников-старообрядцев. В 1946 г. около половины всей численности этноконфессиональной группы русских старообрядцев Болгарии с помощью советской власти реэмигрировала в пределы Украинской ССР. Несмотря на актуальность внимания к подобной оригинальной группе «Русское зарубежье» и к теме реэмиграции, обстоятельства, процесс и результат этого переселения оставались без должного документального описания. Их следует рассматривать в общем контексте репатриации русских старообрядцев из Добруджи (подобные переселения из Румынии прошли в 1945 и 1947 гг.).

Ключевые слова

Болгария, СССР, старообрядцы, реэмиграция, этноконфессиональность, диаспора, липоване, некрасовцы, русские старообрядцы в Болгарии, русские старообрядцы в Румынии, Добруджа, УССР

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01663, <https://rscf.ru/project/24-28-01663/>, проект ««Доместикация советского»: опыт репатриации старообрядцев из Европы и адаптации в СССР».

Статья поступила в редакцию 11 сентября 2024 г.

Статья доработана автором 25 ноября 2024 г.

Статья принята в печать 10 декабря 2024 г.

Цитирование: Пригарин А. А. Реэмиграция русских старообрядцев из Добруджи: «болгарский» этап 1946 г. (по архивным данным) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19. № 3–4. С. 96–124. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.05>

THE RE-EMIGRATION OF RUSSIAN OLD BELIEVERS FROM DOBRUDJA: “BULGARIAN” STAGE 1946 (BASED ON ARCHIVAL DATA)

Aleksandr A. Prigarin

D. Sc., associate professor,
ERC of Social Anthropology,
Russian State University for the Humanities
Postal address: Miuskaya sq., 6,
Moscow, 125993, Russia
E-mail: prigarin.alexand@gmail.com

Abstract

The article is based on published and archival sources reconstructs a little-known story of the repatriation of Russian Old Believers from Bulgaria to the USSR in 1946. The basic documentary evidence was the family lists of migrants compiled during the resettlement. Their heuristic potential allows the author to consider the process of repatriation at the level of households, groups and villages. In general, the Bulgarian group of the Russian diaspora population of Europe is relatively small. It was formed long before the emergence of the contemporary national state. In an effort to save their religious identity, the Lipovans and Nekrasovites during the 18th and the first half of the 19th century populated some Ottoman territories (the Balkans and Anatolia). At this time, a dozen settlements were formed in Dobrudja, including Tataritsa near Silistra. At the level of communities and individual families there was almost permanent mobility that led to large-scale redistribution of human resources between different regions of the Ottoman Empire and adjacent areas. For example, at the beginning of the 20th century, the village of Kazashko appeared near Varna. When the Red Army entered Bulgaria (1944–1945), the idea of the return of Old Believers to their historical homeland arose among its officers. In 1946 with the help of the Soviet Union about half members of the ethno-confessional group from Bulgaria re-emigrated to the Ukrainian Soviet Socialist Republic. Despite the attention to such an original group of the Russian Diaspora and to the topic of re-emigration, the circumstances, process and result of this resettlement is still without proper documentary presentation. This story should be considered in the general context of the repatriation of Russian Old Believers from Dobrudja (similar resettlements from Romania took place in 1945 and 1947).

Keywords

Bulgaria, USSR, Old Believers, re-emigration, ethno-confessionality, diaspora, Lipovans, Nekrasovites, Russian Old Believers in Bulgaria, Russian Old Believers in Romania, Dobrudja, Ukrainian Soviet Socialist Republic

Funding

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-01663, <https://rscf.ru/project/24-28-01663/>, project “*Domestication of the Soviet: the Experience of Repatriation of Old Believers from Europe and Adaptation to the USSR*”.

Received 11 September 2024

Revised 25 November 2024

Accepted 10 December 2024

For citation: Prigarin, A. A., 2024. The Re-emigration of Russian Old Believers from Dobrudja: “Bulgarian” stage 1946 (Based on Archival data). *Slavic World in the Third Millennium*, 19 (3–4), pp. 96–124. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2024.19.3-4.05>

«ОСКОЛКИ “РУССКОГО МИРА”»: ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ

Когда наука оперирует категориями «Русский мир», «Русское зарубежье» или «диаспора русского народа», то, как правило, апеллирует к недавнему историческому опыту, не выходя за политологические и хронологические рамки Новейшего времени (наиболее устойчивыми понятиями являются «белая эмиграция» или «советские граждане»). В этом контексте не стоит забывать о старейшей и добротной структурированной этноконфессиональной группе русских — старообрядцах. Именно стараниями этих религиозных диссидентов с конца XVII в. воспроизводится идея «колонизации» как внутренних, так и сопредельных (а иногда — очень даже далеких) пространств. В результате границы проживания многих подобных общностей сформировались намного раньше современных границ государств Европы (стран Балтии, Польши, Украины, Молдовы, Румынии, Болгарии, Турции и т.д.). «Липованя» и/или «Град Некраса» распространились широко, создав мощные анклавные русскоязычные культуры в Буковине, Бессарабии, на Дунае, в Добрудже, Анатолии и др. Старообрядческие людские ресурсы не раз привлекались для освоения различных пространств рядом центральных властей и региональных администраций в широком ареале Евразии начиная с 1730-х гг.

Еще одним актуальным аспектом является тема реэмиграции, или возвращения наших соотечественников в российские пределы. Неоднократные возвращения из-за границы характерны были и для липованско-некрасовского сообщества. Реэмиграция части этого старообрядческого населения в 1946–1947 гг. в СССР вполне укладывается в историческую логику развития группы.

Этот локальный сюжет вполне помогает осмыслить и общие масштабные процессы «репатриации соотечественников» из Европы в СССР¹. По-

¹ Решетников С. В. Репатриация советских граждан и участников движения Сопротивления из Франции в СССР // *Новейшая история России*. 2023. Т. 13. Вып. 3. С. 745–758. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.313>; Шевяков А. А. Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции // *Население России в 1920–1950-е гг.: численность, потери, миграции* / отв. ред. Ю. А. Поляков. М.: Институт российской истории РАН, 1994. С. 197–199; Маркдорф Н. М. Судьбы советских военнопленных — участников европейского движения Сопротивления // *Исторический курьер*. 2021. № 3 (17). С. 164–172. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2021-3-18>; Земсков В. Н. «Возвращенцы» и «невозвращенцы»: о судьбе советских перемещенных лиц в 1944–1956 гг. // *История и историки: историографический вестник*, 2011–2012 / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Наука, 2013. С. 90–107; *Он же*. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. // *Труды Института российской истории РАН* / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Институт российской истории РАН, 2013. Вып. 11. С. 244–284; Полян П. М. Репатриация советских граждан из Франции и французских оккупационных зон Германии и Австрии // *Трагедия войны — трагедия плена: сб. материалов науч.-практ. конф.*,

мимо непосредственно советских граждан проходило возвращение бывших российских подданных из Франции, Китая, Румынии, Чехословакии и т.д. Из Болгарии было переселено немногим менее 1,4 тыс. человек, что составляло примерно двенадцатую часть всех вернувшихся русских и было приблизительно в два раза меньше их сородичей из Румынии². Эти две последние группы (румынская и болгарская) репатриантов имели свою специфику, в отличие от военнопленных, оstarбайтеров и т.д. Это были потомки тех, кто еще в XVIII — начале XIX в. покинул территорию Российской империи³.

К 1945 г., когда Красная армия взяла под свой контроль Румынию и Болгарию, в последней находилось два специфических анклава русских-старообрядцев, насчитывающих более 3 тыс. жителей. Ими были с. Татарница (позднее вошедшее в состав поселка Айдемир Силистринской округи) и с. Казашко Варненской округи: «...они в полной мере могут быть расценены как две разные модели исторического прошлого и будущего русских староверов Юго-Восточной Европы в целом»⁴. Кроме того, вокруг этих эпицентров древнего православия существовал десяток малодворных поселений, небольшие хозяйственные родовые общности.

В 1946 г. по инициативе офицеров Советской армии состоялась репатриация почти половины этой группы на территорию СССР. Выявленный корпус источников позволяет детально реконструировать этот процесс: причины, обстоятельства и ход переселения, расселение и обустройство на новых местах и т.д. Считаю важным включить рассмотрение непосредственной реэмиграции 1946 г. в контекст общей исторической и социокультурной мобильности представителей данной этноконфессиональной группы. Их одновверцы из румынской части Добруджи также приняли участие в этой репатриации (в 1945 и 1947 гг.), но это отдельные, хотя и смежные исторические сюжеты.

посвящ. 55-летию образования антифашист. орг. военнопленных в СССР и пробл. и перспективам развития музея «Трагедия плена», 1–2 окт. 1998 г. / сост. В. А. Всеволодов. М.; Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1999. С. 174–197.

² Пригарин А. А. Возвращение на Родину: переселения русских в РСФСР в 1946–1949 гг. // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы VIII Международной научной конференции, Москва, 19–20 апреля 2024 г. / ред. М. К. Ясменко, Ю. В. Ерохина, О. В. Пустозерова, Д. И. Ерёмкин, Р. Ш. Шафикова. М.: МХПИ, 2024. С. 520–528.

³ Пригарин А. А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII — первой половине XIX в. Одесса; Измаил; М.: Смил: Археодоксія, 2010.

⁴ Пригарин А. А. Русские старообрядцы в Болгарии: новые материалы по истории потомков некрасовцев и липован Добруджи // Старообрядчество: история, культура и современность / гл. ред. В. И. Осипов. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2004. Вып. 10. С. 29.

СТАРОВЕРЫ БОЛГАРИИ: ПОСЛЕДСТВИЯ И ПОТЕНЦИАЛ МИГРАЦИЙ

Библиография трудов, исследующих два названных выше поселения, достаточно обширна, но большинство работ имеют лингвистическую или фольклористическую направленность⁵. Собственно историческим сюжетам, к сожалению, внимания уделялось мало. Возможно, это связано с общей историографической ситуацией в изучении казаков-некрасовцев и липован Добруджи и всего Причерноморья. Исследователи отмечали мобильность группы — масштабные миграции как внутри этих групп, так и за их пределами на протяжении XVIII–XX вв.⁶ В такой ситуации прошлый опыт каждой общины-поселения тесно связан с историей группы в целом.

Именно так — в контексте перманентной мобильности — стоит рассматривать, на наш взгляд, современное старообрядческое население Болгарии. Оно представляет собой оригинальный реликт некрасовских и липованских общностей в Причерноморье. Два существующих анклава столь значительно различались в прошлом, что вполне оправданно было бы назвать

⁵ Анастасова Е. Е. Старообрядците в България: мит — история — идентичност. София: Проф. Марин Дринов, 1998; Кауфман Н. Песни на казаците некрасовци от България // Българска музика. 1963. № 5. С. 35–40; Критска-Иванова Е. Ф. Наблюдения върху сватбения фолклор на руските села Казашко, Варненски окръг, и Татарица, Силистренски окръг // Български фолклор. 1977. № 2. С. 44–51; Она же. Типология и эволюция русского свадебного обряда и фольклора в Болгарии (села Татарица и Казашко) // Русские: семейный и общественный быт / отв. ред. М. М. Громыко, Т. А. Листова. М.: Наука, 1989. С. 198–221; Романска Цв. Фолклор на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. 1959. Т. 53. № 2. С. 493–614; Она же. Риболовът на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско (принос към етнографското проучване на черноморския ни риболов) // Там же. 1960. Т. 54. № 1. С. 353–446; Она же. Някои етнографски особености на с. Казашко, Варненско, и на русите-некрасовци, които го населяват // Езиковедско-етнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски / ред. В. Георгиев. София: Българска академия на науките, 1960. С. 563–589; Узенёва Е. С. «А язык у нас липованский...» // Славяноведение. 2016. № 6. С. 45–57; Anastassova E. Nekrasovtsy Old Believers // Communities and identities in Bulgaria / ed. by A. Krasteva. Ravenna: Longo Editore, 1998. P. 209–220; Grek-Pabisowa I. O tendencjach rozwoju gwary starowierców w Bułgarii // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. 1972. Т. 12. S. 221–232; Eadem. Религиозная и культовая терминология и ее функции в говоре старообрядцев в Польше и Болгарии // Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie: [zbiór oprac.] / ред. I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa, R. A. Morris. Warszawa: Sławiściyczny Ośrodek Wydawniczy przy Inst. slawistyki PAN, 1994. S. 301–312; Steinke K. Die russischen Sprachinseln in Bulgarien. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1990.

⁶ Скальковский А. А. Некрасовцы, живущие в Бессарабии // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. № 8. С. 61–82; [Кельсиев В.] Очерк старообрядцев в Добрудже // Славянский сборник / изд. под наблюдением и с предисл. Н. Страхова. СПб.: Изд. Петерб. отд. Славянского ком., 1875. Т. 1. С. 605–620; Короленко П. П. Некрасовские казаки: исторический очерк, составленный по печатным и архивным данным // Известия Общества любителей изучения Кубанской области / под ред. В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1899. Вып. 2. С. 1–74; Бачинский А. Д. Некрасовские поселения на Нижнем Дунае и в Южной Бессарабии (XVIII — начало XIX столетия) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. 1971. Вып. 7. С. 159–163.

это объединение в рамках одного современного государства условным. Кроме того, во время своих архивных и экспедиционных исследований (2000–2001, 2023–2024 гг.) мы убедились, что на территории современной северо-восточной Болгарии имели место и другие поселения русских старообрядцев, не сохранившиеся до наших дней.

Первые старообрядческие общины проникают на территорию Южной Добруджи не позднее конца XVIII — начала XIX в. Именно в это время русско-турецкие войны и активизация враждебности со стороны соседей (задунайских украинских казаков) заставили часть некрасовцев искать новые места жительства в глубине османских владений. В историографии этого вопроса утвердилось мнение, что в этот период укрепляются поселения некрасовцев Анатолии — на о. Майнос⁷. Однако часть некрасовцев нашли себе пристанище возле крепости Силистры, то есть выше по течению Дуная по отношению к местам предыдущего пребывания.

С этими событиями, по-видимому, связано основание с. Татарица. В исследованиях не существует единой точки зрения на дату основания села. В качестве таковой указывались и 1780-е гг.⁸, и середина XVIII в.⁹ Однако у нас есть все основания полагать, что Татарица была заселена старообрядцами в 1810-е гг. Село с таким именем существовало еще с XVI в., однако с другими жителями¹⁰. Заселение старообрядцами вряд ли произошло ранее 1809 г. В это время рядом с селом состоялось крупное сражение между турецкой и российской армиями за крепость Силистру. Источники не отразили столь примечательное некрасовское население Татарицы, что может означать его отсутствие на тот момент.

С другой стороны, известно, что в 1811 г. «напуганные выступающими русскими подразделениями некрасовцы искали простор в области Дуная»¹¹. Именно в начале 1810-х гг. фиксируется массовый «выход» некрасовцев из северной части Добруджи, расположенной вблизи российских границ. В это время часть некрасовцев переселяется в Анатолию (в частности, из Сарыкея часть некрасовцев ушла на о. Майнос, а часть — в с. Татарицу¹²).

Примечательно, что в исторических преданиях липован Татарицы сохранилась память о скитаниях тех лет. Приведем лишь один пример из тех, что нам удалось зафиксировать:

⁷ Иванов-Желудков В. (Кельсиев В.) Русское село в Малой Азии // Русский вестник. 1866. Т. 63. Кн. 6. С. 413–451; Смирнов И. В. Некрасовцы // Вопросы истории. 1986. № 8. С. 97–107; Волкова Н. Г., Заседателева Л. Б. Казаки-некрасовцы: основные этапы этнического развития // Вестник МГУ. Серия 8: История. 1986. № 4. С. 44–54.

⁸ Критска-Иванова Е. Ф. Типология и эволюция русского свадебного обряда... С. 198–200.

⁹ Steinke K. Die russischen Sprachinseln in Bulgarien. S. 14–16.

¹⁰ История на Добруджа / под ред. Н. Тодорова и Стр. Димитрова. София: Изд-во на БАН, 1988. Т. 3. С. 11.

¹¹ [Кельсиев В.] Очерк старообрядцев в Добрудже. С. 78–79.

¹² Феноген С. Сарикей: страницы истории. Бухарест: Критеон, 1998. С. 54.

Царь Пётр сказал: «Или бороду́ брите или курите». А они православные христиане, сильно религию исправляли. Надо уезжать, и уехали на лодках с парусами. Оне парусами, парусами, парусами, и перебрались туды, чуть ниже Переславу (г. Мальк Переслявец. — *А. П.*). И когда чума их напала, они — на один остров, называется Гаромуд-остров (Гаргалик, Гарван. — *А. П.*). И переехали трошки сюды, и опять... Тогда был паша, турецкое время нали было. И они приехали, тут называется Калмацури. Железный Яр. Тутатка нали, были пастухи-тагары, а Осман-паша переехал туды и говорит: «Уезжайте отседова». А тут вода была... А наши все рыбалки були, им он говорит: «Даю вам кому сколько хотим земли». Они переехали сюды, а татары испужались и ушли¹³.

В подчинении у силистренского «сираксира» (военного коменданта) находилось несколько общин некрасовцев вплоть до Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В документах того времени названия этих поселений зафиксированы как: Татарница, Кючук Диоли (Кючук-Гьол — тур. «малое озеро»), хутор Силистренский, Некрасовская или Липованская Кугуголь (здесь и далее ойконимы приводятся так, как они отражены в документах. — *А. П.*). Сохранилось краткое описание, сделанное в 1826 г. тайным агентом И. П. Липранди¹⁴. Среди собранных им разведанных указывается, что поселение находилось на Дунае «около 30 верст выше Силистрии близ селения Попе». «Она вся состоит из бывших по несколько лет приписанных и имевших оседлость жителей: Измаильских, Вилковских, Бессарабии и других прибрежных мест; они оставили дома, сады и другие заведения свои, и перебежали в 1822 и 1823 годах на правый берег Дуная, тотчас по появлении сыщиков от поселенных войск — к деревням, коим прежде принадлежали. После краткого пребывания в Тульче, Исакче и Некрасовских деревнях, отправлены были большею частью на подводах к Силистрии для поселения — и даны им те же права, коими пользуются некрасовцы и липованы, в состав коих и поступили»¹⁵. «Промышляют преимущественно рыбной ловлею, разведением садов и виноградников, и весьма мало хлебопашеством». Далее И. П. Липранди указывал на то, что «в прошлом году около Покрова (1825, 14 октября. — *А. П.*) в Кучуголе погибло от Чумы более 250 душ»¹⁶.

Во время войны один из офицеров писал С. А. Тучкову, что «около крепости Силистрия селение Кучук Диоли разрушено, откуда некрасовцы переселились — часть в Бабадаг, где помогали Российской армии, а часть — в Татарницу. Из них 35 душ обоего пола в Россию, в Тучков [Измаил]»¹⁷.

¹³ Полевые материалы автора. Записано от Семена Александровича Каракудова, русского, 1920 г.р., с. Татарница. 02.09.2000 г.

¹⁴ [Липранди И. П.] Некоторые сведения о правом берегу Дуная, собранные в 1826 году. СПб: Тип. Ген. Штаба, 1827. С. 42–43.

¹⁵ Там же. С. 42.

¹⁶ Там же. С. 43.

¹⁷ Коммунальное учреждение «Измаильский архив» (далее — КУ ИА). Ф. 56. Оп. 1. Д. 19. Л. 9–10.

Примечательно, что в упомянутом селении Кючук-Диоли находился некрасовский старообрядческий монастырь, называвшийся «Кучесом, или Верировкой»¹⁸. Однако во время военных действий он был разрушен турками, а монахи переселились вместе с казаками в Россию (на Кубань, Ставрополь).

О том, что Татарица стала центром проживания всего старообрядческого населения, сохранившегося в округе Силистры после 1828 г. и не пожелавшего переселиться в Россию, свидетельствуют также материалы П. Бахметьева¹⁹. Часть жителей Кючук-Диоли после разрушения села ушли в Северную Добруджу (с. Караорман), а затем вернулись в Татарицу.

В это же время российская военная администрация попыталась склонить некрасовцев к переселению в пределы России. На этот призыв откликнулось восемь семей и два бурлака из числа татарских жителей. В архивных материалах удалось обнаружить список этих переселенцев. Согласно ему, 25 взрослых и 8 малолетних (19 мужского и 14 женского пола) перешли в Новую Некрасовку (Кугурлуй) в конце 1830 г.²⁰

Так сформировался один из современных анклавов русских старообрядцев на территории современной Болгарии.

На протяжении 1829–1940-х гг., несмотря на изменения политических границ в регионе, Татарица оставалась с другими липованскими поселениями Добруджи в составе одного государства (Османской империи, Болгарии, Румынии). Тесные конфессиональные, торгово-хозяйственные, брачные связи, особенно с липованами села Новенького (Гиндерешть), предопределили общность их исторических судеб. Вместе с другими старообрядцами-поповцами они приняли активное участие в учреждении Белокриничской иерархии (1846 г.). В 1850-е гг. в Татарице располагалась одна из станиц Добруджанского казачьего войска под руководством М. Чайковского (Садык-паши)²¹. В 1868 г. после упразднения казацкого положения некрасовцев старoverы Добруджи (в частности, Татарицы) были уравниены в правах с остальными жителями края.

В конце XIX в. за счет естественного прироста и пополнения населения беглецами-старoverами из внутренних губерний Российской империи изменяется география расселения липован. Поиск новой земли приводит к освоению новых территорий Добруджи и образованию малодворных поселений (хуторов). Так, в начале XX в. в границах современной Болгарии липованскими анклавами были Татарица (788 старoverов), Горна-Мусубей

¹⁸ КУ ИА. Ф. 56. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.

¹⁹ Бахметьев П. Към историята на старите руски поселища в сегашна България // Периодическо списание на Българското книжно дружество в София. 1907. София: Държавна печатница, 1908. Год. 19. Кн. 68. Св. 3/4. С. 294–300.

²⁰ КУ ИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 18. Л. 125.

²¹ Czajkowski M. Kozaczyzna w Turcyi: dzieło w trzech częściach. Paryż: Drukarnia L. Martinet, 1857. S. 74–75.

(119), Екисче (89), Хасерлек (88), Деведжикиой (29)²². К этому же времени относится основание хуторов Стылбище (оно же — Стелбище) (Делики-таш) между Силистрой и Тутраканом, Карапча (беспоповцы из северной Добруджи), Камчия (беспоповцы) и Ресилер на побережье Черного моря.

К началу XX в. для липован Добруджи актуальным стал земельный вопрос, одним из путей решения которого являлась реэмиграция в Россию. Либерализация политики по отношению к старообрядцам совпала с проведением столыпинской аграрной реформы. В этих условиях около трети липован Добруджи согласились на переезд на Дальний Восток. Среди них были и жители Татарицы. Выходцы из этого села совместно с выходцами из Новенького в 1909 г. заселили с. Абайканское Амурской области²³.

Следует также отметить, что на образование малодворных поселений старообрядцев, по-видимому, оказала влияние и конфессиональная дифференциация. Беспоповцы и беглопоповцы (оба направления известны в Добрудже под условным названием «хатники») стремились обособиться от старообрядцев, приемлющих священников.

С началом XX в. связано основание еще одного современного анклава — Казашко (Казашко Махала) на берегу Варненского озера. Сюда первоначально переселились потомки некрасовцев с о. Мада и Майнос (Анатолия). Их предки — радикально настроенные казаки-некрасовцы — ушли вглубь Турции именно из Добруджи в конце XVIII — начале XIX в.²⁴ После эпидемии холеры, в начале XX в., большая часть из них уехала в Российскую империю (на Кубань и в Грузию), а те, кто не хотел возвращаться в российские пределы, вынуждены были искать новые места жительства. В источниках конца XIX в. есть свидетельства о том, что Северо-Западное Причерноморье было хорошо известно казакам Мады и Майноса²⁵. Семьи Русовых, Федосея и Филата, перешли на берег Варненского озера и положили начало селу Казашко. Позднее к ним присоединились несколько семей липован из Добруджи.

Жители с. Казашко в основном были «беспоповцами» (кроме собственно приверженцев этого согласия сюда стремились и беглопоповцы, экзотоним которых в регионе также относил их к «беспоповцам»). Как показали наши экспедиционные исследования, в первой половине XX в. здесь существовало несколько микрообщин: окказиональные беспоповцы — по-

²² *Романски Ст.* Народописна карта на нова ромънска Добруджа // Списание на Българската Академия на науките. 1915. Кн. 11. С. 58–59, 76, 80, 93, 102.

²³ *Мельников В.* Переселение старообрядцев. (Из доклада уполномоченного совета съездов) // Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. 1909. № 49. С. 1368–1370.

²⁴ *Смирнов Я. И.* Из поездки по Малой Азии. У некрасовцев на острове Мада на Бейшеирском озере, Гамид-абадагского санджака, Конийского вилайета // Живая старина. 1896. № 1. С. 3–31.

²⁵ *Гордлевский В. А.* Уголок России в Турции. Старообрядческая деревня под Ак-шехиром. М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1913. С. 8–9.

томки некрасовцев из Анатолии, не принявшие Белокриницкую иерархию, всевозможные «хатники» из северной Добруджи. Наличие приверженцев поповского направления привело уже в Новейшее время к тому, что в 2007 г. община приняла так называемую «Новозыбковскую иерархию» — Русскую древлеправославную церковь.

Эти две старообрядческие общины имели своеобразный характер взаимодействия: в конфессиональном отношении они долгие десятилетия игнорировали друг друга, но при этом нередко были случаи заключения браков между их членами (тогда один из молодых супругов принимал «согласие» второго). Особенно такие случаи участились в условно советский период (1945–1989 гг.), когда внутренние ресурсы брачного рынка были практически исчерпаны. Другим путем преодоления этого «дефицита» стали для Татарицы и, в меньшей степени, для Казашко браки с единоверцами из Румынии (для первого поселения даже на постоянной основе поставляет брачных партнеров с. Новенькое (Гиндерешти)). Именно необходимость создания семей для молодого поколения, когда все уже между собой породнились, заставляла искать радикальные решения и стала одним из факторов, обусловивших репатриацию 1946 г., когда советское руководство в лице офицеров Красной армии предложило старообрядцам переселиться в пределы СССР.

РЕПАТРИАЦИЯ 1946 Г.: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ХОД ПЕРЕСЕЛЕНИЙ

Представители этих двух религиозно-территориальных общин русских старообрядцев Болгарии обратили на себя внимание расквартированных в Силистре и Варне советских офицеров своей «консервативностью» и «выразительностью», и они, в свою очередь, привлекли к ним внимание Уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации (подполковника Киселева). В аналогичной же ситуации в Румынии уже к концу 1944 г. отмечалось, что «подано несколько коллективных заявлений семейств, даже целыми деревнями, русских из Констанцкого уезда, предки которых поселились в Румынии еще со времени Русско-турецкой войны, о приеме в советское гражданство и переезде на жительство в СССР...»²⁶.

Судьбу подобных соотечественников решали в ходе переписки между Наркомом иностранных дел с Председателем Совета народных комиссаров, где эту инициативу возглавили, но несколько отложили ее исполнение. 24 ноября 1945 г. в НКВД заведующим отделом Балканских стран была послана докладная: «Посланник СССР в Болгарии т. Кирсанов в телефонном разговоре с нашим представителем в Румынии полковником Богдановым сообщил, что в Болгарии имеются граждане русской национальности, проживающие там с давних времен. Прошу сообщить Ваше мнение о целесообразности командирования в Болгарию представителя от пол-

²⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. А-9526. Оп. 6. Д. 62. Л. 7.

ковника Богданова для учета русских граждан, желающих переселиться в СССР»²⁷. В нескором ответе, ссылаясь на разработанное Постановление Совета министров СССР № 1923-811с от 29.08.1946 г.²⁸ и Указ Президиума ВС СССР от 14.06.1946 г., писалось, что они «уже приняты в советское гражданство»²⁹. Таким образом, действия местных властей явно опережали действия центральной власти в решении вопросов — списки желающих переселиться были составлены и ждали своего юридического оформления. Как только оно состоялось, процесс пошел: как только вышло постановление СМ СССР, первые партии репатриантов покинули порт Варны и выдвинулись в Одессу.

Причинами и мотивами переселения части русских старообрядцев из Болгарии является совокупность факторов, многие из которых не так очевидны, как это преподносится в бюрократических документах. Во-первых, это было воспроизводство привычной жизненной стратегии старообрядцев — трансформации внешних обстоятельств приводили к переселенческой практике. Подчеркнем, что здесь инициаторами выступили внешние по отношению к липованско-некрасовской среде советские власти. Во-вторых, к подобной же практике прибегали в обстоятельствах кризиса хозяйственно-экономического уклада, который для староверов выражался в нехватке земельных или водных ресурсов. Косвенно это иллюстрирует перманентный процесс создания малодворных поселений вокруг Татарицы и Казашко — исчерпав традиционной моделью рыболовства ресурсы, жители искали новые «ловы» или новые формы заработка. Именно поэтому наряду с «рыбаками» в группе переселенцев оказалось некоторое количество «земледельцев» и жителей городов (наемные работники и ремесленники). В-третьих, сознательно эндогамное общество ревнителй «древлего благочестия» в течение двух-трех поколений испытывало дефицит брачного рынка. Когда привычные межприходские отношения в условиях замкнутости общины переставали удовлетворять потребности в расширении брачного круга, часть молодого поколения вынуждена была совершать переезды, иногда на многие тысячи километров.

Очевидно, что стремление представителей советской власти «вернуть» русских людей на их Родину совпало с этими тремя факторами. Осознавая их, русские старообрядцы Болгарии смотрели на процесс репатриации как на возможность улучшить свое социально-экономическое положение, обеспечить новую эффективную стратегию жизнедеятельности и сохранить свою религиозно-культурную инаковость.

Несмотря на серьезные масштабы задуманной акции, она оказалась не совсем продуманной и подготовленной: чиновники НКВД просили «принять меры к тому, чтобы переселяющиеся граждане, по профессии рыбаки

²⁷ ГАРФ. Ф. А-9526. Оп. 6. Д. 62. Л. 55.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 2. Д. 144.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 379. Л. 165.

<...> запасались максимальным количеством рыболовных снастей, применимых как в морских, так и речных условиях»³⁰; или далее: «Опыт приема переселенцев-рыбаков из Болгарии подтверждает, что Министерство рыбной промышленности УССР не в состоянии обеспечить переселившихся рыболовными снастями, в результате чего Рыбак-Колхозы Украины рыболовецкими снастями обеспечены лишь до 60–70 %». Это сами чиновники относили к «недочетам при приеме переселенцев-рыбаков из Болгарии, не обеспеченных рыболовецкими снастями при выезде в Украинскую ССР»³¹.

Процесс переселения курировался Отделом по делам репатриации при Управлении Одесского военного округа в лице начальника — «гвардии полковника Доможирова» и Уполномоченным Совета министров ССР по делам репатриации подполковником Киселевым³². Так, письмом от 27–28.11.1946 г. сопровождалась посемейные списки «переселенцев, прибывших из Болгарии пароходом “Карл Маркс” и отправленных в Ровенскую, Херсонскую, Николаевскую и Запорожские области»³³. Это была группа в основном из с. Татарица и округи Силистры. Вторая партия людей, вышедших из Казашко и Варны, прибыла в Одессу на том же пароходе спустя две недели, 13 декабря 1946 г.³⁴ Этим переселенцев предполагалось отправить в Ровенскую и Сталинскую (Донецкую) области.

Анализ этих пофамильных списков позволяет реконструировать некоторые исторические обстоятельства развития группы. Так, ровно 100 семей, или 378 чел. (200 мужского и 178 женского пола), планировалось направить в Херсонскую область³⁵. Обращает на себя внимание индекс численности на одну семью (3,78) и коэффициент мужского пола (1,125).

Об исторической географии переселенцев этой группы свидетельствует тот факт, что в ней были как сельские жители (202 человека представляли собственно Татарицу), так и городские (170 человек представляли Силистру, четверо — Бургас и двое — Русук-Русинский). Косвенно на демографическую причину переезда указывает наличие пятерых болгарок в составе этой группы (все они — супруги липован). Наличие иноэтничных брачных партнеров дополняет наши знания о межэтнических связях старообрядцев Добруджи с соседними народами.

Также по трое болгар выявлено в группах, переселявшихся в Ровенскую³⁶ и Николаевскую³⁷ области (во второй был даже один турок). Эти две

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 381. Л. 6.

³¹ Там же.

³² ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 3. Д. 301. Л. 1–182.

³³ Там же. Л. 1, 2–25.

³⁴ Там же. Л. 26, 27–35.

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 301. Л. 2–10.

³⁶ Там же. Л. 11–18.

³⁷ Там же. Л. 19–23.

группы состояли из 97 и 67 семей соответственно. В Ровенскую область направлялось 359 чел. (183 мужского и 176 женского пола)³⁸, а в Николаевскую — 190 чел. (99 мужчин и 91 женщина)³⁹. Все они указывались как жители Татарицы. Для них высчитанные индексы и коэффициенты составляли 3,7 и 2,8 чел. на семью, соотношение мужского пола к женскому 1,040 и 1,088 соответственно.

Относительно небольшую общность предусматривалось поселить в г. Мелитополь Запорожской обл.⁴⁰ В ней насчитывалась лишь 21 семья, или 71 чел. (39 мужского и 32 женского пола, 3,38 чел. на семью). Еще более искусственным выглядел в этой группе мужской коэффициент — 1,219. Показательно, что лишь шестеро указали местожительством Татарицу, остальные 65 были жителями с. Стелбище. Видимо, это был небольшой родовой микросоциум старообрядцев.

Следующая, вторая партия переселенцев, прибывшая в одесский порт 02.12.1946 г., представляла собой две группы, которые планировалось поселить в Ровенской⁴¹ и Сталинской⁴² областях УССР. Это были общности в 31 и 43 семьи соответственно, состоящие из 133 (73 мужского и 60 женского пола) и 173 чел. (86 мужчин и 87 женщин). Среди этих переселенцев количество людей в семьях было максимальным: 4,29 и 4,02 лиц на одно домохозяйство. При этом в ровенской группе соотношение полов было 1,217, а в сталинской — 0,989. В первой группе 125 чел. были уроженцами с. Карапча и еще 8 — Казанка-Могила. Во второй 168 чел. происходили из с. Казашко и еще 5 — из Генерал-Тошево (бывш. Касымкёй (Касъмкёй)). Показательно, что в группах репатриантов присутствовали не только русские, но также болгары (2 и 3 соответственно) и армяне (4 чел. в первой группе).

В целом, согласно документальному источнику, переселились 359 семей, или 1 304 чел., из них 680 мужчин и 624 женщин. Усредненный мужской коэффициент — 1,090 — свидетельствовал о достаточно гармоничном соотношении полов. Высоким, практически традиционным следует считать показатель численности семей — 3,63 чел. на одну микросоциальную единицу. Подчеркнем серьезный демографический потенциал репатриантов из Болгарии в УССР.

Наличие графы «место рождения» в этих списках позволяет провести анализ фактического происхождения репатриантов. Формально все они — граждане Болгарии, возвращающиеся на историческую Родину. Проведенные подсчеты вышеуказанного показателя существенно уточняют эту простую схему. Например, в херсонской группе Татарица указана в 277 случаях (73,3 %). 32 человека указали поселки румынской части Добруд-

³⁸ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 301. Л. 11-18.

³⁹ Там же. Л. 19-23.

⁴⁰ Там же. Л. 24-25.

⁴¹ Там же. Л. 27-30.

⁴² Там же. Л. 31-35.

жи: г. Браилов (6), Тульча (9), Баздарит (1) и Калараш (1); села Гиндерешти (5), Камень (5), Сарыкей (3), Слава (1) и Махмудия (1). 59 переселенцев этой группы обозначили места своего рождения на территории южной, или болгарской, части Добружи: г. Вардим (1), Свищов (1), Силистра (45), Рушук (3); сс. Бордоман, Каракей, Петрай, Сандайка, Сеново, Стелбище, Солнице, Шокаринцы. Еще 8 человек родилось в тогда еще румынской Бессарабии: Килие (2), Кишиневе (1), Измаиле (1); селах Орловке, Старой и Новой Некрасовках, Ташлыке. 3 человека пожилого возраста указали, что родились в Днепропетровске, Николаполе и Черкасах.

Таким образом, получается, что немногим более четверти переселенцев (26,7 %) этой группы по происхождению принадлежали другим территориальным объединениям староверов. При этом каждый четвертый был уроженцем сопредельных «румынских» территорий, а, условно, каждый десятый — СССР (УССР). 6 из 10 были переселенцами в соседние города или хозяйственно-экономические фактории Татарицы по Дунаю, эта цифра отвечала тенденции к урбанизации и мобильности группы в Болгарии.

Среди переселенцев в Ровенскую область наблюдалась большая гомогенность: 345, или 97,2 %, были жителями с. Татарица и лишь по одному человеку — румынской Славы Русы и советского Никополя, по двое — городов и сел Северной Болгарии (Плевена, Силистры; Вербины Дуловского уезда), еще четверо — Бессарабии (Вилкова, Измаила, Николаевки Бендерского уезда).

В Николаевскую область переселилось 157 уроженцев Татарицы (81,3 %), то есть каждый пятый родился вне места выхода. Из них примерно треть — 10 чел. — были из Румынии (Браилова, Журавлевки, Куравея, Нов. Романа, Тульчи, Констанцы); почти половина — 15 чел. — из болгарских Рушук, Силистры, Сеново. Четверть тех, кто был рожден не в Татарице (8 чел.), происходили из Бессарабии: Бендер, Болграда, Некрасовки — и три человека — из советского Никополя.

Еще более сложными по происхождению являются группы, собиравшиеся для отправления на поселение в Запорожскую⁴³ и Ровенскую⁴⁴ области. В первой из них лишь 33 чел. (40,7 %) указали, что родились в Татарице. Остальные 48 чел. распределялись следующим образом: пятая часть их представляла общины румынской Добруджи (Камень, Тульчу и Журиловку); ровно две трети — болгарской (Рушук, Стелбище (24 чел., ровно половина всех, родившихся не в Татарице), Тополю, Тресник); почти каждый десятый — староверов Бессарабии (Некрасовки, Орловки). Напомним, что, согласно нашей гипотезе, в этом случае мы имеем дело с одной расширенной родовой группой, компактно проживавшей на 1946 г. в малодворном поселении Стелбище.

⁴³ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 301. Л. 24-25.

⁴⁴ Там же. Л. 27-30.

В группе, переселявшейся в Ровенскую область, больше половины представляли собой выходцев из Северной (румынской) Добруджи: 79 чел., или 59,4 % (Сарыкей (67, или почти 9 из 10), Тульча, Пятра, Магмудея, 23-я Миля, Журиловка). 51 чел. (38,3 %) условно можно считать уроженцами болгарской (Южной) Добруджи: примерно пополам поделились Казашко и Карабча, а также Русса. Минимально представлены (3 чел.) лица, рожденные в Бессарабии (Иссерли, Ташлык и Килия).

Пос. Казашко представляли 111 чел., или 65,7 % переселявшихся в Сталинскую область. Еще десяток являлись уроженцами болгарских Татарлицы, Марково, Самокова, Беленьково, Константиновки. Каждый четвертый в приазовской группе являлся уроженцем Румынии (41 чел.: Махмедия, Тульча, Каракей, Гиндерешти, Каркалиу, Констанция, Слава Старая, Сарыкей). Некрасовское историческое своеобразие подчеркивает относительно небольшая общность в 7 чел., которые родились в Хабаровске, на Кубани и в Донской области, а также в Токаре и Хамедии (Турция).

После прибытия в порт Одессы эти партии переселенцев были направлены по железной дороге в области, в которых их планировали поселить. Там эти группы еще больше раздробили и расселили по рыболовецким колхозам вдоль Днепра и Азовского моря. Исключение составили переселенцы в Ровенскую область, которых в результате попробовали поселить в Ивано-Франковской области, в с. Софиевке. Однако они очень быстро попросились в другие местности, ссылаясь на свое неаграрное занятие — профессию рыбаков. В действительности, как вспоминал один из наших информантов, который был подростком в те годы, «как-то ночью к старикам пришли бендеровцы, которые говорят: “Вы люди добрые, видим, но это все наши земли”. До угроз дело не дошло, вот и пришлось уходить». Часть их обустроилась у родни в Херсонской, Запорожской и Сталинской областях, часть ушла в города Бендеры и Килию, к своим одноверцам.

Другой переселенец этого времени вспоминает: «Сели мы на Еланчике, возле моря (Азовского, возле г. Новоазовск. — *А. П.*), рыбу ловили бравенько... Пока я в армию ушёл, тятя всё церковь нашу искал. Рыбаки ему как-то и говорят: “А у нас такие, как вы, есть, бородатые...” Съездил на тот берег моря, а там точно — наши, родня даже оказалась... Вернулся уже туда, всей семьей в Ново-Покровку переехали, чтоб у храм ходить...»⁴⁵ Подобные хутора раскинулись достаточно широко. Для установления точной географии расселения староверов следует искать документы фискально-административного характера.

Наибольший старообрядческий анклав рассредоточился вдоль Днепра. Реконструировать его особенности помогают церковные архивы. Несмотря на пропаганду атеизма и преследование верующих, переселенцы искали священников-старообрядцев, чтобы вести религиозную жизнь. Ближе все-

⁴⁵ Полевой материал автора. Записано от Леонтия Григорьевича Скачкова, русского, 1934 г.р., г. Минусинск. 14.05.2024 г.

го к ним оказался приход в г. Одесса. По всей видимости, в 1952–1953 г. репатрианты наладили общение с вновь назначенным иереем Покровского старообрядческого храма Иваном Яковлевичем Сычевым⁴⁶. Он неоднократно выезжал «для исполнения треб» к ним, проезжая по всем небольшим общинам. Так, например, 23.04.1956 г. он посылал епископу Кишиневскому Иосифу, комментируя их таким образом: «...списки верующих Старообрядцев / переселенцев из Румынии и из Болгарии посещенных мною с Вашего благословения в нижеуказанных селах в Херсонской обл.: 1 — Село Старая Збурьевка, Голопристанский р-н. 2 — Село Кизий-Мыс, Белозерский р-н. 3 — Село Камышани, Белозерский р-н. 4 — Поселок — Херсон-Сухарна»⁴⁷.

Из сопоставления этих списков со списками переселенцев из Болгарии следует, что эти общины состояли из тех, кого в Херсонскую область и планировали поселить. Кроме того, в церковных списках обнаруживается несколько семей, которые переселились в Астраханскую область из Румынии в 1947 г. Естественно, что в эти документы попали лишь пожилые и взрослые люди, дети и молодежь отсутствовали. Также известно, что отдельные переселенцы проживали по соседству в ряде прибрежных поселков (например, в с. Рыбачье Херсонской и с. Мироновка Запорожской обл.). Согласно этому источнику, в Старой Збруевке осело 17 семей, или 37 чел.; в Кизьем-Мысу — 21 семья, или 58 чел.; в Камышанах — 38 и 84 соответственно; в поселке Сухарна — 5 и 10⁴⁸. Отметим, что сохранить свою религиозную принадлежность основной массе переселенцев из Болгарии 1946 г. в условиях дисперсного расселения, небольшими группами семей, было крайне сложно. Лишь отдельным личностям удалось наладить окказиональные связи со священством и приходами. В результате в последующих поколениях потомки репатриантов «растворились» в окружающем населении.

Из Европы в СССР: выводы

Таким образом, привлекая архивные данные, а также историографические источники, можно констатировать некоторые принципиальные моменты.

1. Исторический опыт формирования и развития русского старообрядческого населения Болгарии позволяет характеризовать эту этноконфессиональную общность как один из старейших структурных элементов «Русского мира». Как и их единоверцы в соседних Турции и Румынии, болгарские староверы представляли собой мобильную в социально-территориальном отношении, но устойчивую и даже консервативную — в социально-религиозном отношении группу.

⁴⁶ Пригарин А. А., Федорова А. И. Русские старообрядцы Одессы: этноконфессиональность в условиях поликультурного города. Рига: Меч духовный: Археодоксія, 2022. С. 290–294.

⁴⁷ «Мазаракиевский архив» Покровской общины РПСЦ г. Кишинева. Папка «Г. Одесса. 1.01.1946–31.12.1961 гг.». Л. 227.

⁴⁸ Там же. Л. 229–239.

2. Как показывает анализ мест рождения и мест выхода переселенцев 1946 г., проживание в границах одного государства (в данном случае — Болгарии) никогда не было препятствием для перемещения старообрядцев. На протяжении своего существования и исторического развития «липоване» и «некрасовцы» двух основных общин (Татарницы и Казашко) поддерживали активные хозяйственно-бытовые, брачно-социальные и конфессионально-культурные связи как с соседними сородичами, так и с проживающими в большом отдалении от них.

3. Свою характерную особенность — стремление сохранить «свою веру» при инновационной открытости в отношении внешних вызовов — группа продемонстрировала и в период послевоенной Болгарии. Дав согласие центральным и местным администрациям СССР, около половины староверов Болгарии решились на переселение, «возвращение», «реэмиграцию». Для большинства этих репатриантов «историческая Родина» являлась эфемерным конструктом коллективной памяти: лишь минимальное число людей родились или бывали в Российской империи либо в СССР.

4. Организованное переселение 1946 г. осуществлялось на основе решений, принятых на высшем уровне (Президиум Верховного Совета, Совет министров СССР), силами местных администраций (военной в Болгарии, гражданской в Одесской, Николаевской, Херсонской, Запорожской, Донецкой и Ровенской областях УССР). Перевезенные репатрианты были расселены по рыбколхозам вдоль Днепра и Азовского моря. Хозяйственная адаптация и социальные трансформации прошли достаточно успешно. При этом значительной части переселенцев удалось сохранить свою культурную самобытность — старообрядчество, а для другой части (особенно для тех, кто был расселен дисперсно) этническая солидарность оказалась более востребованной.

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ):

Ф. А-9526. Оп. 6. Д. 62.

Ф. Р-5446. Оп. 2. Д. 144.

Ф. Р-9526. Оп. 3. Д. 301.

Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 379.

Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 381.

Коммунальное учреждение «Измаильский архив» (КУ ИА):

Ф. 51. Оп. 1. Д. 18.

Ф. 56. Оп. 1. Д. 19.

«Мазаракиевский архив» Покровской общины РПСЦ г. Кишинева. Папка «Г. Одесса. 1.01.1946 — 31.12.1961 гг.».

Полевые материалы автора.

Литература

- Анастасова Е. Е.* Старообрядците в България: мит — история — идентичност. София: Проф. Марин Дринов, 1998.
- Анастасова Е. Е.* Староверы Болгарии и Румынии: динамика развития религиозной культуры (1990–2020) // Комплексная археография Московского университета: сборник научных статей / под ред. Е. В. Воронцовой, Д. А. Сундуковой. М.: Архив РАН: Археодоксия, 2023. С. 256–273. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 208. Сер. II: Исторические исследования; 139).
- Бачинский А. Д.* Некрасовские поселения на Нижнем Дунае и в Южной Бессарабии (XVIII — начало XIX столетия) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. 1971. Вып. 7. С. 159–163.
- Бахметьев П.* Към историята на старите руски поселища в сегашна България // Периодическо списание на Българското книжовно дружество в София. 1907. София: Държавна печатница, 1908. Год. 19. Кн. 68. Св. 3/4. С. 294–300.
- Волкова Н. Г., Заседателева Л. Б.* Казаки-некрасовцы: основные этапы этнического развития // Вестник МГУ. Серия 8: История. 1986. № 4. С. 44–54.
- Гордлевский В. А.* Уголок России в Турции. Старообрядческая деревня под Акшехиром. М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1913.
- Земсков В. Н.* «Возвращенцы» и «невозвращенцы»: о судьбе советских перемещенных лиц в 1944–1956 гг. // История и историки: историографический вестник, 2011–2012 / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Наука, 2013. С. 90–107.
- Земсков В. Н.* Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. // Труды Института российской истории РАН / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Институт российской истории РАН, 2013. Вып. 11. С. 244–284.
- Иванов-Желудков В. (Кельсиев В.)* Русское село в Малой Азии // Русский вестник. 1866. Т. 63. Кн. 6. С. 413–451.
- История на Добруджа / под ред. Н. Тодорова и Стр. Димитрова. София: Изд-во на БАН, 1988. Т. 3.
- Кауфман Н.* Песни на казаците некрасовци от България // Българска музика. 1963. № 5. С. 35–40.
- [*Кельсиев В.*] Очерк старообрядцев в Добрудже // Славянский сборник / изд. под наблюдением и с предисл. Н. Страхова. СПб.: Изд. Петерб. отд. Славянского ком., 1875. Т. 1. С. 605–620.
- Короленко П. П.* Некрасовские казаки: исторический очерк, составленный по печатным и архивным данным // Известия Общества любителей изучения Кубанской области / под ред. В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления, 1899. Вып. 2. С. 1–74.
- Критска-Иванова Е. Ф.* Наблюдения върху сватбения фолклор на руските села Казашко, Варненски окръг, и Татарица, Силистренски окръг // Български фолклор. 1977. № 2. С. 44–51.
- Критска-Иванова Е. Ф.* Типология и эволюция русского свадебного обряда и фольклора в Болгарии (села Татарица и Казашко) // Русские: семейный и общественный быт / отв. ред. М. М. Громыко, Т. А. Листова. М.: Наука, 1989. С. 198–221.

- [Липранди И. П.] Некоторые сведения о правом берегу Дуная, собранные в 1826 году. СПб: Тип. Ген. Штаба, 1827.
- Маркдорф Н. М. Судьбы советских военнопленных — участников европейского движения Сопrotивления // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 164–172. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2021-3-18>
- Мельников В. Переселение старообрядцев. (Из доклада уполномоченного совета съездов) // Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. 1909. № 49. С. 1368–1370.
- Полян П. М. Репатриация советских граждан из Франции и французских оккупационных зон Германии и Австрии // Трагедия войны — трагедия плена: сб. материалов науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию образования антифашист. орг. военнопленных в СССР и пробл. и перспективам развития музея «Трагедия плена», 1–2 окт. 1998 г. / сост. В. А. Всеволодов. М.; Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1999. С. 174–197.
- Пригарин А. А. Русские старообрядцы в Болгарии: новые материалы по истории потомков некрасовцев и липован Добруджи // Старообрядчество: история, культура и современность / гл. ред. В. И. Осипов. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 2004. Вып. 10. С. 29–35.
- Пригарин А. А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII — первой половине XIX в. Одесса; Измаил; М.: Смил: Археодоксія, 2010.
- Пригарин А. А. Возвращение на Родину: переселения русских в РСФСР в 1946–1949 гг. // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы VIII Международной научной конференции, Москва, 19–20 апреля 2024 г. / ред. М. К. Ясменко, Ю. В. Ерохина, О. В. Пустозерова, Д. И. Ерёмкин, Р. Ш. Шафикова. М.: МХПИ, 2024. С. 520–528.
- Пригарин А. А., Федорова А. И. Русские старообрядцы Одессы: этноконфессиональность в условиях поликультурного города. Рига: Меч духовный: Археодоксія, 2022.
- Решетников С. В. Репатриация советских граждан и участников движения Сопrotивления из Франции в СССР // Новейшая история России. 2023. Т. 13. Вып. 3. С. 745–758. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.313>
- Романска Цв. Фолклор на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. 1959. Т. 53. № 2. С. 493–614.
- Романска Цв. Някои етнографски особености на с. Казашко, Варненско, и на русите-некрасовци, които го населяват // Езиковедско-етнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски / ред. В. Георгиев. София: Българска академия на науките, 1960. С. 563–589.
- Романска Цв. Риболовът на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско (принос към етнографското проучване на черноморския ни риболов) // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. 1960. Т. 54. № 1. С. 353–446.
- Романски Ст. Народописна карта на нова ромънска Добруджа // Списание на Българската Академия на науките. 1915. Кн. 11. С. 7–126.
- Скальковский А. А. Некрасовцы, живущие в Бессарабии // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. № 8. С. 61–82.

- Смирнов И. В. Некрасовцы // Вопросы истории. 1986. № 8. С. 97–107.
- Смирнов Я. И. Из поездки по Малой Азии. У некрасовцев на острове Мада на Бейшеирском озере, Гамид-абадагского санджака, Конийского вилайета // Живая старина. 1896. № 1. С. 3–31.
- Узенёва Е. С. «А язык у нас липованский...» // Славяноведение. 2016. № 6. С. 45–57.
- Феноген С. Сарикёй: страницы истории. Бухарест: Критеон, 1998.
- Шевяков А. А. Репатриация советского мирного населения и военнопленных, оказавшихся в оккупационных зонах государств антигитлеровской коалиции // Население России в 1920–1950-е гг.: численность, потери, миграции / отв. ред. Ю. А. Поляков. М.: Институт российской истории РАН, 1994. С. 195–222.
- Anastassova E. Nekrasovtsy Old Believers // Communities and identities in Bulgaria / ed. by A. Krasteva. Ravenna: Longo Editore, 1998. P. 209–220.
- Czajkowski M. Kozaczyzna w Turcyi: dzieło w trzech częściach. Paryż: Drukarnia L. Martinet, 1857.
- Grek-Pabisowa I. O tendencjach rozwoju gwary starowierców w Bułgarii // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. 1972. T. 12. S. 221–232.
- Grek-Pabisowa I. Религиозная и культовая терминология и ее функции в говоре старообрядцев в Польше и Болгарии // Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie: [zbiór oprac.] / red. I. GrekPabisowa, I. Maryniakowa, R. A. Morris. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy przy Inst. sławistyki PAN, 1994. S. 301–312.
- Steinke K. Die russischen Sprachinseln in Bulgarien. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1990.

References

- Anastasova, E. E., 1998. *Old Believers in Bulgaria: myth — history — identity*. Sofia: Prof. Marin Drinov. (In Bulgarian)
- Anastasova, E. E., 2023. Old Believers of Bulgaria and Roumania: dynamics of development of the religious culture. In: E. V. Vorontsova, D. A. Sundukova, eds, 2023. *Complex archaeography of Moscow University: collection of scientific articles*. Moscow: Arkhiv RAN; Arkheodoksiia, pp. 256–273. (*Works of the Faculty of History of MSU*. Issue 208. Series II: *Historical studies*, 139.) (In Russian)
- Anastassova, E., 1998. Nekrasovtsy Old Believers. In: A. Krasteva, ed., 1998. *Communities and identities in Bulgaria*. Ravenna: Longo Editore, pp. 209–220.
- Bachinskii, A. D., 1971. Settlements of Nekrasovtsy on Lower Danube and in Southern Bessarabia. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia*, 7, pp. 159–163. (In Russian)
- Bakhmet'ev, P., 1908. To the history of the Old Russian settlements on the territory of contemporary Bulgaria. *Periodicheskoe spisanie na Bulgarskoto knizhovno družestvo v Sofiia*, Sofia: Durzhavna pechatnitsa, vol. 68, 3/4, pp. 294–300. (In Bulgarian)
- Czajkowski, M., 1857. *Kozaczyzna w Turcyi: dzieło w trzech częściach*. Paris: Drukarnia L. Martinet.

- Fenogen, S., 1998. *Sarichioi: pages of history*. Bucharest: Kriteon. (In Russian)
- Gordlevskii, V. A., 1913. *Corner of Russia in Turkey. Old Believer village near Ak-shekhir*. Moscow: Tipo-lit. T-va I. N. Kushnerev i K°. (In Russian)
- Grek-Pabisowa, I., 1972. O tendencjach rozwoju gwary starowierców w Bułgarii. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, XII, pp. 221–232.
- Grek-Pabisowa, I., 1994. Religious and hieratic terminology and its functions in the dialect of Old Believers in Poland and Bulgaria. In: I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa, R. A. Morris, eds, 1994. *Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie: [zbiór oprac.]*. Warsaw: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy przy Inst. sławistyki PAN, pp. 301–312. (In Russian)
- Ivanov-Zheludkov, V., (Kel'siev, V.), 1866. Russian village in Asia Minor. *Russkii vestnik*, 63 (6), pp. 413–451. (In Russian)
- Kaufman, N., 1963. Songs of Nekrasov Cossacks from Bulgaria. *Bulgarska muzika*, 5, pp. 35–40. (In Bulgarian)
- [Kel'siev, V.], 1875. Study on Old Believers in Dobrudja. In: N. Strakhov, ed., 1875. *Slavic bulletin*. Saint Petersburg: Izd. Peterb. otd. Slavianskogo kom. Vol. 1, pp. 605–620. (In Russian)
- Korolenko, P. P., 1900. Nekrasov Cossaks. In: V. Sysoev, A. D'iachkov-Tarasov, eds, 1900. *Proceedings of the society of lovers of studying of the Kuban region*. Yekaterinodar: Tipografia Kubanskogo Oblastnogo Pravleniia. Issue 2, pp. 1–74. (In Russian)
- Kritska-Ivanova, E. F., 1977. Observations about wedding folklore of Russians in villages Kazashko of Varna region and Tataritsa of Silistra region. *Bulgarski folklor*, 2, pp. 44–51. (In Bulgarian)
- Kritska-Ivanova, E. F., 1989. Typology and evolution of Russian wedding ceremony and folklore in Bulgaria (villages Tataritsa and Kazashko). In: M. M. Gromyko, T. A. Listova, eds, 1989. *Russians: family and common life*. Moscow: Nauka, pp. 198–221. (In Russian)
- [Liprandi, I. P.], 1827. *Some materials about the right bank of Danube collected in 1826*. Saint Petersburg: Tip. Gen. Shtaba. (In Russian)
- Markdorf, N. M., 2021. The Fates of Soviet War Prisoners — Members of the European Resistance Movement. *Historical Courier*, 3 (17), pp. 64–172. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2021-3-18> (In Russian)
- Mel'nikov, V., 1909. Resettlement of Old-Believers. (From report of the representative of the conference of congresses). *Cerkov'. Staroobriadcheskii cerkovno-obshchestvennyi zhurnal*, 49, pp. 1368–1370. (In Russian)
- Polyan, P. M., 1999. Repatriation of Soviet citizens from France and French occupation zones in Germany and Austria. In: V. A. Vsevolodov, ed., 1999. *Tragedy of war — tragedy of captivity: collection of materials of the scientific-practical conference devoted to the 55th anniversary of constitution of the anti-fascist organization of prisoners of war in USSR and to the problems and perspectives of development of the museum "Tragedy of captivity", 1–2 October 1998*. Moscow; Krasnogorsk: Memorial'nyi muzei nemetskikh antifashistov, pp. 174–197. (In Russian)

- Prigarin, A. A., 2004. Russian Old Believers in Bulgaria: new materials on the history of descendants of Nekrasovtsy and Lipovans in Dobrudja. In: V. I. Osipov, ed., 2004. *Old Belief: history, culture and contemporaneity*. Moscow: Muzei istorii i kul'tury staroobriadchestva. Issue 10, pp. 29-35. (In Russian)
- Prigarin, A. A., 2010. *Russian Old Believers on Danube: formation of the ethno-confessional community in the end of XVIII — first half of XIX centuries*. Odessa; Izmail; Moscow: Smil; Arkheodoksiia. (In Russian)
- Prigarin, A. A., 2024. Return to the Homeland: the resettlement of Russians to the RSFSR in 1946–1949. In: M. K. Yasmenko, Yu. V. Erokhina, O. V. Pustozerova, D. I. Eremkin, R. Sh. Shafikova. *The image of the Motherland: content, formation, actualization: Materials of the VIII International Scientific Conference, Moscow, April 19–20, 2024*. Moscow: MHPI, pp. 520–528. (In Russian)
- Prigarin, A. A., Fedorova, A. I., 2022. *Russian Old-Believers of Odessa: ethno-confessionality in the conditions of multicultural city*. Riga: Arkheodoksiia, 2022. (In Russian)
- Reshetnikov, S. V., 2023. Repatriation of Soviet Citizens and Soviet Partisans of the French Resistance from France to the USSR. *Modern History of Russia*, 13 (3), pp. 745–758. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.313> (In Russian)
- Romanska, Cv., 1959. Folklore of Russians-Nekrasovtsy from village Kazashko, Varna region. *Godishnik na Sofiskiia universitet. Filologicheski fakultet*, LIII (2), pp. 493–614. (In Bulgarian)
- Romanska, Cv., 1960. Some ethnographic features of village Kazashko, Varna region and of Russians-Nekrasovtsy who live there. In: V. Georgiev, ed., 1960. *Linguo-ethnographic studies in the memory of academician Stoyan Romanski*. Sofia: Bulgarska akademiia na naukite, pp. 563–589. (In Bulgarian)
- Romanska, Cv., 1960. Fishing of Russians-Nekrasovtsy of village Kazashko, Varna region (contribution to the ethnographic study of our Black Sea fishing. *Godishnik na Sofiskiia universitet. Filologicheski fakultet*, LIV (1), pp. 353–446. (In Bulgarian)
- Romanski, St., 1915. Ethnographic map of new Roumanian Dobrudja. *Spisanie na Bulgarskata Akademiia na naukite*, XI, pp. 7–126 (In Bulgarian)
- Sheviakov, A. A., 1994. Repatriation of the Soviet civilians and prisoners of war, which fell within the occupation zones of the states of anti-Hitler coalition. In: Iu. A. Poliakov, ed., 1994. *Population of Russia in 1920–1950: number, losses, migrations*. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, pp. 195–222. (In Russian)
- Skal'kovskii, A. A., 1844. Nekrasovtsy, living in Bessarabia. *Zhurnal Ministerstva Vnutrennikh Del*, 8, pp. 61–82. (In Russian)
- Smirnov, I. V., 1986. Nekrasovtsy. *Voprosy istorii*, 8, pp. 97–107. (In Russian)
- Smirnov, Ya. I., 1896. From the voyage to Asia Minor. With Nekrasovtsy on the island Mada on the Lake Beyşehir of The Sanjak of Hamid-abadag, Vilayet of Konya. *Zhivaia starina*, 1, pp. 3–31. (In Russian)
- Steinke, K., 1990. *Die russischen Sprachinseln in Bulgarien*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Todorova, N., Dimitrova, Str., eds, 1988. *History of Dobrudja*. Sofia: Izd-vo BAN. Vol. 3. (In Bulgarian)

- Uzeneva, E. S., 2016. “By the way we speak Lipovan...”. *Slavic Studies*, 6, pp. 45–57. (In Russian)
- Volkova, N. G., Zasedateleva, L. B., 1986. Nekrasov Cossacks: main stages of the ethnic development. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*, 4, pp. 44–54. (In Russian)
- Zemskov, V. N., 2013. “Returnees” and “defectors”: the fate of Soviet displaced persons in 1944–1956. In: A. N. Sakharov, ed., 2013. *History and historians: historiographic bulletin, 2011–2012*. Moscow: Nauka, pp. 90–107. (In Russian)
- Zemskov, V. N., 2013. The returning of Soviet displaced persons to the USSR. 1944–1952. In: Iu. A. Petrov, ed., 2013. *Works of the Institute of Russian History of RAS*. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN. Issue 11, pp. 244–284. (In Russian)

**Комментарий к статье А. А. Пригарина
«Реэмиграция русских старообрядцев из Добруджи:
“болгарский” этап 1946 г. (по архивным данным)»***

В комментарий включены топонимы, которые трудно идентифицируются, имеют иной фонетический облик по сравнению с указанными в статье и (или) отсылают к иному статусу населенного пункта (село, а не поселок; город, а не село и т. д.). По возможности в комментируемых топонимах проставлены ударения — там, где они установлены.

- С. 99: *поселок Айдемир Силистренской области* — с. Айдемир**, в 1942–1943 гг. Княз Хесенски, Силистренская область Болгарии, община Силистра.
- с. *Татарица* — с. Татарица, с 1955 г. в составе с. Айдемир.
- с. *Казашко Варненской области* — с. Казашко, до 1952 г. Казашка махала (статус поселения хуторского типа), Варненская область Болгарии, община Варна.
- С. 101: *Сарыкей* — с. Сарикей (рум. Sarichioi, тур. Sarıköy) в Северной Добрудже (Румыния), жудец (округ) Тулча, коммуна (община) Сарикей.
- о. *Майнос* — Майнос — до 1962 г. русское старообрядческое поселение на островах оз. Куш (Маньяс, Майнос), Турция, Малая Азия.
- С. 102: *Переслав (г. Малък Переслявец)* — в действительности с. Мálык-Преслáвец (болг. Мálык Преслáвец), до 1942 г. Кадыкей (болг. Кадькóй), в 1942–1956 гг. Малки Преславец, Силистренская область Болгарии, община Главиница.

* Подготовлен О. В. Трефиловой.

** Если написание топонима на русском и болгарском языке совпадает, приводится только одна форма.

Гаромуд-остров (Гаргалик, Гарван) — о. Гáрван (или Гаргалька, болг. Гаргалька), расположен на Дунае в Силистренской области Болгарии, община Ситово.

Калмацури. Железный Яр — топоним не идентифицирован. Село Железный Яр существовало в Харьковской области Украины, ныне упразднено.

Кючук Диоли (Кючук-Гьол — тур. «малое озеро»), хутор Силистренский, Некрасовская или Липованская Кучуголь. Последнее название — явно ошибочное написание или прочтение названия Кучуголь. Кючук Диоли, Кючук-Гьол и Липованская Кучуголь — один и тот же населенный пункт, Кючук-Г'ёл, болг. (из тур.) Кючукгьол. В настоящее время не существует.

Бабадаг — г. Бабада́г (рум. Babadag, ранее Babatag) в Северной Добрудже (Румыния), входит в состав жудеца Тулча.

Тулча — г. Тۇлча, Тۇльча (рум. Tulcea) в Северной Добрудже (Румыния), административный центр одноименного жудеца.

Исакча — г. Исáкча (рум. Isacsea) в Северной Добрудже (Румыния) в жудеце Тулча.

С. 103: с. *Караорман* — в Добрудже существовало как минимум два села Караорман, основанных беженцами после Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.: с. Караорма́н, с 1942 г. с. Срацими́р, Силистренская область Болгарии, община Силистра, и с. Караорман (рум. Caraorman), жудец Тулча, община Кришан, Румыния. В румынском селе до сих пор проживает незначительное число липован.

Новая Некрасовка (Кугурлуй) — Но́вая Некра́совка (рум. Cugurlui) — село в Измаильском районе Одесской области Украины: с 1918 по 1940 г., как и весь Измаильский район, находилось на территории Румынии. В настоящее время Кугурлуй — озеро там же.

Новенькое (Гиндэрешть) — с. Гиндэре́шть (Гиндэре́шти), рум. Ghindărești, рус. старообряд. Новенькое, Северная Добруджа (Румыния), жудец Констанца, коммуна Гиндэрешть; населено преимущественно русскими старообрядцами.

Горна Мусубей — с. Изворово; до 1942 г. с. Го́рно Мусубе́й, или Мусубе́й, с 1942 г. Го́рни извор, в 1959 г. объединено с селом Изворово, Добричская область Болгарии, община Генерал-Тошево.

С. 104: *Екисче* — с. Бенко́вски, до 1941 г. Екисче́, в 1941–1947 гг. Мария Луиза, Добричская область Болгарии, община Добрич-селска.

Хасерлек — вероятно, с. Огра́жден в Южной Добрудже, Добричская область Болгарии, община Генерал-Тошево, до 1942 г. Хасырлы́к (болг. Хасърлык). Возможно также, что это с. Преселе́нцы (болг. Преселѐнци), до 1906 г. Баш-Хасырлы́к (болг. Баш Хасърлык, т. е. «Главный Хасырлык»), Добричская область Болгарии, община Генерал-Тошево, находится южнее

- с. Огражден. Еще одно «болгарское» село (до 1940 г. в селе проживало болгарское население) с названием Хасарлык (Хасарлѣк или Асарлѣк) находилось в том же регионе на территории современной Румынии севернее с. Огражден, ныне с. Четáтя (рум. Cetatea) на границе с Болгарией, жудец Констанца, коммуна Добромир. В 1913–1940 гг. все эти села находились на территории Румынии: вся Добруджа в это время контролировалась Румынией.
- Деведжикой* — с. Добрѣн, до 1942 г. Деведжикѣй (болг. Деведжикѣй), Добричская область Болгарии, община Крушари.
- Стѣлбище (оно же — Стелбище) (Деликитаи)* — до 1934 г. махала (хуторское поселение) Дикилитáш (sic!), с 1934 г. махала Стѣлпиште (болг. Стѣлпиште), Русенская область Болгарии. В 1965 г. населенный пункт упразднен.
- Карапча* — с. Крапец, до 1942 г. Карапча (Гарибча), Добричская область Болгарии, община Шабла.
- Ресилер на побережье Черного моря* — с. Ралица, до 1942 г. с. Ресиллер, Добричская область Болгарии. Село упразднено в 1976 г.
- С. 107: *Руцук-Русинский* — г. Русе в Северной Болгарии, областной центр. В статье упоминается также как Руцук и Русса.
- Казанка-Могила* — село не идентифицировано. Село Казанка находится в Старозагорской области Болгарии (подбалканская часть страны), община Стара-Загора, там же расположены сѣла Могила, Остра Могила и Плоска Могила.
- Генерал-Тошево (бывш. Касымкѣй (Касъмкѣй))* — до 1942 г. с. Касымкѣй (болг. Касъмкѣй или Касъм), с 1942 г. с. Генерáл-Тóшево, с 1960 г. город, Добричская область Болгарии.
- С. 109: *Браилов* — устаревшее русское название г. Брѣйла (Браила, рум. Brăila), Северная Добруджа (Румыния), административный центр жудеца Брѣйла.
- Баздарит* — топоним на карте Румынии и Болгарии не идентифицируется. Возможно, один из населенных пунктов с похожими названиями, при написании которых могла появиться ошибка: с. Баждари (Баждарите), Великотырновская область Болгарии, община Елена, — населенный пункт без постоянного населения; с. Базаурт, бывшее составное село Добричской области Болгарии, включавшее сѣла Горско, Житница и Тянево.
- Калараш* — г. Кэлэрáш (или Кэлэрáши, рум. Călărași), административный центр одноименного придунайского жудеца в румынской Добрудже.
- Камень* — с. Каркалиу (рум. Carcaliu, рус. старообряд. Камень, Каменка), составляет одноименную коммуну в жудеце Тулча, Румыния, с преимущественно русским старообрядческим населением.

Слава — одно из двух румынских сел Добруджи с русским старообрядческим населением, находящихся в коммуне Слава Черкезэ в жудеце Тулча: либо Сла́ва Ру́сэ (рум. Slava Rusă, рус. старообряд. Русская Слава), либо Сла́ва Черке́зэ (рум. Slava Cercheză, рус. старообряд. Черкесская Слава).

Махмудия — с. Махмудия́ (рум. Mahmudia) в жудеце Тулча, Северная Добруджа (Румыния), с преимущественно русским старообрядческим населением. В статье указывается также как Магмудея и Мехмедия.

г. *Вардим* — с. Варди́м, Великотырновская область Болгарии, община Свиштов.

Свищов — г. Свиштóв (болг. Свищóв), административный центр общины Свиштов, Великотырновская область Болгарии.

Руцук — г. Русе, Северная Болгария.

Бордоман — топоним не идентифицирован.

Каракей — в Южной Добрудже такого села не обнаружено. Возможно, это с. Черноли́к, до 1942 г. Караэсекёй (болг. Караесекёй), Силистренская область Болгарии, община Дулово, или г. Нэводари (рум. Năvodari), до 1927 г. с. Каракёй или Карахёй (рум. Carachioi, Caracoium, тур. Kara Kouum), жудец Констанца, Румыния.

Петрай — возможно, бывш. с. Петре, в настоящее время с. Близна́цы (болг. Близна́ци), образованное в 1959 г. путем объединения сел Го́рен-Близна́к (до 1934 г. Яйла) и Долен-Близнак (до 1934 г. Петре), Варненская область Болгарии, община Аврен.

Сандайка — топоним не идентифицирован. Возможно, это с. Са́ндрово, до 1934 г. Табан, Русенская область Болгарии, община Русе, или с. Цóнево, до 1934 г. Сандыкчии (болг. Сандъкчии), в 1934–1950 гг. Ра́кла, Варненская область Болгарии, община Дылгопол.

Сеново — г. Се́ново, до 1984 г. село, Русенская область Болгарии, община Ветово, или с. Сяново (Се́ново), Силистренская область Болгарии, община Тутракан.

Солнице — топоним не идентифицирован. Возможно, с. Со́лник, до 1934 г. Джафер, Варненская область Болгарии, община Долни-Чифлик.

Шокаринцы — топоним не идентифицирован. Возможно, с. Шко́рпиловцы (болг. Шко́рпиловци), до 1934 г. Фындыкли́и (болг. Фъндъкли́и), Варненская область Болгарии, община Долни-Чифлик.

Черкасы — г. Черкасы, Центральная Украина.

Слава Руса — с. Сла́ва Ру́сэ (рум. Slava Rusă, рус. старообряд. Русская Слава), см. комментарий выше к *Слава*.

Вербина Дуловского уезда — с. Вь́рбино (болг. Вь́рбино, до 1942 г. Сукуюд-жук), Силистренская область Болгарии, община Дулово.

Журавлевка — Журавлѣвка — село в Тульчинском районе Винницкой области Украины. Тульчинский район не входил в состав Румынии, но был оккупирован румынскими войсками с 1941 по 1944 г. Возможно, это ошибка в документе и подразумевается Журиловка, а не Журавлѣвка, см. далее.

Куравей — возможно, с. Гура-Вэй (рум. Gura Văii) в жудеце Яломица, коммуна Судици (Юго-Восточная Румыния). В Румынии более десятка сел с названием Гура-Вэй в разных округах (жудецах).

Нов. Роман — в настоящий момент на карте Юго-Восточной Румынии топоним не идентифицируется. Возможно, «Новый Роман» — с. Роман (рум. Romanu) в жудеце Брэила, коммуна Роман, ср. «старый» г. Роман (рум. Romanu) в жудеце Нямц.

Журиловка — Жури́ловка (рум. Jurilovca), село в жудеце Тулча в Румынии, административный центр одноименной коммуны, с преимущественно русским старообрядческим населением.

С. 110: *Тополя* — вероятно, с. Топо́ли, до 1934 г. Инджикѣй, Инджекѣй (болг. Инджикъей, Инджекьой), Варненская область Болгарии, община Варна; соседствует с селом Казашко, или с. Топо́ла, до 1942 г. Тюрк-Суютчук, Добричская область Болгарии, община Каварна.

Тресник — возможно, с. Трыстени́к (болг. Тръстени́к), Русенская область Болгарии, община Иваново.

Пятра — скорее всего, румынское село Пьятра (рум. Piatra) на границе с Болгарией, жудец Телеорман, коммуна Пьятра.

Магмудея — с. Махмудия, см. комментарий к с. 109.

23-я Миля — рум. Mîla 23, старообрядческое село в Северной Добрудже (Румыния), жудец Тулча, коммуна Кришан.

Карабча — с. Карапча, ныне с. Крапец, см. комментарий к с. 104.

Русса — г. Русе, Северная Болгария.

Иссерли — с. Исерлия (рум. Iserlia), Бессарабский район Молдавии (Республики Молдова).

Ташлык — в настоящее время с. Ташлы́к (рум. Taşlic) — центр Ташлыкского сельского совета Григориопольского района непризнанной Приднестровской Молдавской Республики.

Килия — г. Килия́ (рум. Chilia), Измаильский район Одесской области Украины.

Пос. Казашко — с. Каза́шко, см. комментарий к с. 99.

Марково — в 1940-е гг. в Болгарии было несколько сёл с таким названием: 1) Ма́рково, Пловдивская область, община Родопи; 2) Ма́рково (1899–1960), до 1899 г. Эмирле́р (болг. Емирле́р), с 1960 г. Повеляново, в 1969 г. объединено с селами Река Девня и Девня в г. Девня, Варненская область, община Девня; 3) Ма́рково (Марковец, Марковча), Шуменская область,

община Каспичан; 4) Мърково, до 1906 г. Сакарлии, Старозагорская область, община Братя-Даскалови.

Беленьково — неболгарский топоним, точно идентифицировать не представляется возможным: в Болгарии несколько десятков топонимов с корнем *-бел-* (*-бял-*). Возможно, с. Беляново, Русенская область Болгарии, община Ценово.

Константиновка — неболгарский топоним, точно идентифицировать не представляется возможным: в Болгарии в 1940-е гг. было несколько населенных пунктов, образованных от антропонима Константин: 1) Константи́н, до 1878 г. Ахмедлии, Великотырновская область, община Елена; 2) Константи́новец, до 1906 г. Батаканлии, Старозагорская область, община Раднево; 3) Константи́ново, до 1899 г. Татаркёй (болг. Татаркьой), в настоящее время (с 1950 г.) с. Радовец, Хасковская область, община Тополовград; 3) Константи́ново, до 1906 г. Малко-Юренджик, Юренджик, Юренджик — малко, Хасковская область, община Симеонград; 4) Константи́ново, до 1899 г. Дерекёй (болг. Дерекьой), Варненская область, община Варна.

Махмедия — с. Махмудия, см. комментарий к с. 109.

Констанция — г. Констанца (рум. Constanța) в Северной Добрудже (Румыния), административный центр одноименного жудеца.

Слава Старая — с. Русская Слава (Слава Русэ), возникшее ранее с. Черкеская Слава (Слава Черкезэ).

Токар — возможно, с. Токар (тур. Tokar), провинция Адьяман, район Бесни, на юго-востоке Турции.

Хамедия — с. Хамидиё (тур. Hamidiye) — одно из шести существовавших тогда сел на территории Турции (ныне существует пять сел с таким названием в разных провинциях Турции).

с. Софиевка Ивано-Франковской области — В настоящее время села Софиевка в Ивано-Франковской (до 1962 г. Станиславской) области нет. Возможно, подразумевается микрорайон Софиевка г. Ивано-Франковска (до 1939 г. город носил имя Станиславов, до 1962 г. — Станислав) — бывшая деревня, которая вошла в состав города еще в начале XX в.

С. 111: Село Старая-Збурьевка, Голопристанский р-н — с. Старая Збурьевка в Голопристанской городской общине Скадовского района Херсонской области Украины.

Село Кизий-Мыс, Белозерский р-н — с. Кизомыс (укр. Кізомис) в Белозёрской поселковой общине Херсонского района Херсонской области Украины.

Село Камышани, Белозерский р-н — пос. Камышаны (укр. Комишани) в Херсонской городской общине Херсонской области Украины.

Поселок — Херсон-Сухарна — Сухарка (укр. Сухарка; также Сухарное, укр. Сухарне) — район Херсона на западной окраине города.

с. Рыбачье Херсонской обл. — с. Рыбáльче (укр. Рибáльче) в Чулаковской сельской общине Скадовского района Херсонской области Украины. Расположено на берегу Днепровского залива Чёрного моря.

с. Мироновка Запорожской обл. — с. Мирóновка (укр. Миронівка) в Степановском-Первом сельском совете Приазовского района Запорожской области Украины. Находится на берегу Азовского моря.